

## Конституционализация уголовного права как механизм установления его пределов

**Резюме.** К уголовному праву, предусматривающему наиболее строгие меры государственного принуждения, предъявляются повышенные правовые требования. Эффективные ограничения по отношению к уголовному праву не могут формулироваться на уровне федерального закона или содержаться во внеправовых источниках. Современное понимание правового государства предполагает ограничение уголовного права посредством конституционных положений. Комплексная конституционализация уголовного права одновременно учитывает права субъекта ответственности и потерпевших, не допуская избыточного и недостаточного принуждения. Формальной целью конституционализации является поддержание такого состояния уголовного закона, при котором он не противоречит конституционным требованиям. Сущностно это обеспечивает индивидуальные и коллективные конституционные права путем определения конституционных пределов уголовного закона, внутри которых действует правотворческое усмотрение по выбору оптимальных средств воздействия. Прямое действие конституционных норм исключает принятие неконституционного уголовного закона, неконституционное правоприменение и неконституционное правопонимание. В статье дано понятие конституционных основ и раскрыта логическая структура таких норм, адресованных законодателю и правоприменителю. По своему характеру они лимитируют или легитимируют уголовно-правовые и уголовно-политические решения, а приоритет отдан ограничивающим предписаниям. Содержательно конституционные основы преимущественно представлены негативными обязательствами государства в сфере уголовного права.

**Ключевые слова:** конституционализация; уголовное право; права человека; усмотрение законодателя; пределы уголовного права; конституционная легитимация

**Для цитирования:** Арзамасцев М. В. Конституционализация уголовного права как механизм установления его пределов. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 9. С. 61–77. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.061-077

### Constitutionalization of Criminal Law as a Mechanism for Defining its Limits

Maxim V. Arzamastsev

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russian Federation

**Abstract.** Criminal law providing for the most severe forms of state coercion is subject to heightened legal requirements. Effective constraints on criminal law cannot be defined solely at the level of federal legislation or derived from extra-legal sources. Contemporary understanding of the rule-of-law state presupposes that criminal law is limited by constitutional provisions. Comprehensive constitutionalization of criminal law simultaneously takes into account the rights of persons subject to criminal liability and of victims, preventing both excessive and insufficient coercion. Formally, constitutionalization aims to maintain criminal legislation in compliance with constitutional provisions. In substantive terms, it safeguards individual and collective constitutional rights by defining the constitutional limits of criminal legislation within which the lawmaker retains discretion to select the

most appropriate means of legal regulation. The direct effect of constitutional norms prevents the enactment of unconstitutional criminal legislation, unconstitutional law enforcement, and unconstitutional legal interpretation. The study defines the constitutional foundations of criminal law and elucidates the logical structure of the relevant norms aimed at both legislators and law-enforcement authorities. By their nature, such norms either constrain or legitimize criminal law and criminal policy decisions, while priority is accorded to restrictive prescriptions. In substantive terms, the constitutional foundations are predominantly expressed through the State's negative obligations in the sphere of criminal law.

**Keywords:** constitutionalization; criminal law; human rights; legislator's discretion; limits of criminal law; constitutional legitimization

**Cite as:** Arzamastsev MV. Constitutionalization of Criminal Law as a Mechanism for Defining its Limits. *Lex russica*. 2026;79(9):61-77. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.061-077

## Введение

В разных странах мира происходит сближение наук конституционного и уголовного права. На их пересечении и при объединении усилий возникает «уголовно-конституционное право» (англ. — constitutional criminal law<sup>1</sup>, нем. — Strafverfassungsrecht<sup>2</sup>), хотя и существует опасность, что конституционалисты не очень хорошо знакомы с отдельными идеями уголовного права, как и, наоборот, криминалисты могут быть не полностью осведомлены о конституционно-правовых дискуссиях<sup>3</sup>.

В нашей стране нормативно признано, что уголовный закон основывается на Конституции РФ (ч. 2 ст. 1 УК РФ). Но вопрос как о самих конституционных основах уголовного права, так и о механизме их действия остается недостаточно изученным, вследствие чего требует самостоятельного анализа, чему и посвящена статья.

## Внеконституционные основы и ограничения уголовного права

Уголовное право призвано разрешать наиболее острые конфликты в обществе, используя самые строгие меры принуждения. В классической школе сложилось устойчивое и не вызывающее особой дискуссии понимание уголовного закона как определяющего границы государственного

принуждения. Например, И. Я. Фойницкий отмечал, что «именно в области уголовного права и процесса лежат границы для вторжения государства в область личной свободы граждан, и потому научная разработка этих дисциплин может более всего обеспечить господство права»<sup>4</sup>. Н. С. Таганцев писал, что «закон уголовный устанавливает пределы карательной власти судьи по отношению к отдельным преступным деяниям» и в конечном счете «определяет объем и условия осуществления правоохраны»<sup>5</sup>.

Вместе с тем опыт XX в. показывает опасность исключительно позитивистского понимания возможностей уголовного закона. Многочисленность изменений, маятниковые колебания уголовной политики, стремление решить любую социальную или экономическую проблему при помощи запрета нежелательного поведения могут служить косвенными свидетельствами произвольности нормотворчества. Однако верность данного вывода аннулирует значение уголовного закона как реально ограничивающего государственное принуждение. Или, другими словами, нельзя считать достаточным ограничение принудительных мер только средствами уголовного закона.

Среди же дополнительных аргументов можно привести следующие.

Во-первых, ввиду одинаковой (за небольшими исключениями, присущими, в частности, соотношению общих и специальных норм) силы уголовно-правовых положений они не могут ни

<sup>1</sup> Odujirin A. The Rule of (Criminal) Law: «Absolute» Liability and the Canadian Charter of Rights and Freedoms // Common Law World Review. 2003. Vol. 32. No. 2. P. 161.

<sup>2</sup> Brodowski D. Die Evolution des Strafrechts. Strafverfassungsrechtliche, europastrafrechtliche und kriminalpolitische Wirkungen auf Strafgesetzgebung. Baden-Baden : Nomos, 2023. S. 45.

<sup>3</sup> Lagodny O. Strafrecht vor den Schranken der Grundrechte. Tübingen : J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1996. S. 18.

<sup>4</sup> Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб. : Альфа, 1996. Т. 2. С. 586–587.

<sup>5</sup> Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Тула : Автограф, 2001. Т. 1. С. 132.

легитимировать, ни лимитировать друг друга. По крайней мере, положения ст. 1 и 3 УК РФ не помешали выделению в Особенной части специальных видов соучастия (ст. 205.1, 281.1, 291.1 УК РФ) и группового способа неосторожного преступления (ст. 263.1 УК РФ).

Во-вторых, ограничение уголовным законом своих же собственных положений не отменяет произвольность любых нормотворческих решений, их выведение из самих себя, круг в обосновании. Обращает на себя внимание позиция В. Ф. Щепелькова, что в ч. 1 ст. 1 УК РФ «законодатель предъявил требование к своей собственной деятельности»<sup>6</sup>, то есть установил самоограничение.

Если признать самоограничение достаточным, то возникает неверная логическая формула об определении пределов и оснований уголовного закона им же самим. Только Мюнхгаузен мог сам себя вытащить из болота, а вот Архимеду была нужна внешняя опора для рычага. Объект ограничения и его основание не могут совпадать, иначе уголовный закон может стать любым (произвольное основание предполагает и произвольное содержание норм).

Это уже позволяет согласиться с идеей Г. Кельзена, что «не существует гарантии правомерности... когда отмена неправомерных актов находится в компетенции органа, их издавшего»<sup>7</sup>.

В-третьих, включение самоограничений в обычный закон не создает никаких препятствий к последующему пересмотру их законодателем, поскольку для всех федеральных законов установлен одинаковый порядок как принятия, так и отмены.

Самоограничение, введенное в уголовном законе, может быть аннулировано или пере-

смотрено одновременно с любой его трансформацией. Так, 25 лет существовала норма ч. 3 ст. 331 УК РФ об отдельном (специальном) уголовном законодательстве военного времени, что не помешало законодателю признать ее утратившей силу и дифференцировать в самой главе 33 УК РФ ответственность за преступления против военной службы, совершенные в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий<sup>8</sup>.

Особые требования к проектам изменений и дополнений уголовного закона установлены в ст. 8 Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации»<sup>9</sup>. Однако данные ограничения для уголовно-правовых запретов были введены только в 2003 г.<sup>10</sup> и существенно расширены в 2015 г.<sup>11</sup> Это свидетельствует, что они приняты в рамках нормотворческого усмотрения и в любой момент могут быть не только изменены, но и отменены самим законодателем. Кроме того, не предполагается никаких санкций (последствий) за несоблюдение этих требований, то есть они сдерживают субъектов законодательной инициативы лишь условно.

Формально-юридически ст. 8 Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ сама может быть изменена любым новым законом с внесением этим же актом таких положений в УК РФ, которые не соответствуют обозначенным в ней требованиям. Другими словами, заложенное в ст. 8 Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ требование является простым самоограничением законодателя и основывается лишь на его воле, изменение которой предопределяет и уголовно-правовые новеллы.

<sup>6</sup> Щепельков В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М. : Юрлитинформ, 2003. С. 89.

<sup>7</sup> Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции: конституционная юстиция. Часть 2 // Право и политика. 2006. № 9. С. 6.

<sup>8</sup> Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 39. Ст. 6535.

<sup>9</sup> СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2955.

<sup>10</sup> Федеральный закон от 08.12.2003 № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4847.

<sup>11</sup> Федеральный закон от 13.07.2015 № 266-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона “О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации” и Федеральный закон “О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4392.

Например, примечание к ст. 238 УК РФ введено Федеральным законом от 28.12.2024 № 514-ФЗ<sup>12</sup>, первоначальная концепция которого не предполагала такого положения, не получившего предварительной оценки Правительства РФ и Верховного Суда РФ. Это предположено считать нарушением порядка рассмотрения законопроектов<sup>13</sup>, что вместе с тем не предполагает каких-либо последствий или санкций. Новелла включена в уголовный закон и вступила в силу.

Таким образом, легитимация и лимитация уголовного права не могут быть осуществлены на уровне федерального закона, как и не могут быть эффективно реализованы через самоограничение.

В доконституционную эпоху правители (даже абсолютные монархи) «находили собственные ресурсы для добровольных избирательных ограничений своей власти», например признавая неизменность правил престолонаследия<sup>14</sup>. Граница между неправдой уголовно наказуемой и неправдой ненаказуемой определялась для законодателя главным образом историческим наследием, теми пределами, которые установились для карательной деятельности государства предшествующей юридической жизнью<sup>15</sup>.

В советские годы В. В. Орехов связывал социальную обусловленность норм уголовного права с учетом всех тенденций исторического развития<sup>16</sup>. Сегодня аналогично рассуждает А. И. Рарог, который отмечает, что уголовно-правовые позиции законодателя в понимании основных категорий и институтов уголовного права должны быть незыблемыми, а также признает наличие примеров законодательного

отступления от исторически сложившегося понимания фундаментальных начал уголовного права<sup>17</sup>.

Однако идея полной незыблемости правовых традиций нерациональна. Очевидно, что ни новизна, ни историческая преемственность не могут сами по себе служить ограничителями в принятии или сохранении уголовно-правовых запретов, определении их содержания, а изменения чаще определяются поиском более эффективных мер. Но при этом эффективность не равнозначна легитимности.

В силу своей формальной необязательности не могут действительно (реально) ограничивать уголовное принуждение исторические, религиозные, нравственные, культурные, психологические, концептуальные и иные внеюридические основы уголовного права, хотя, безусловно, они воздействуют и на правосознание (граждан, правоприменителей и законодателей), и на эффективность противодействия преступности (запреты, согласующиеся с такими основаниями, имеют больший социальный эффект, чем противоречащие им). Но возможно и обратное явление, когда новеллы уголовного закона влияют на религиозные, моральные, культурные и т.п. оценки поведения. Во всяком случае социально-психологические основания не создают реальных ограничителей для действий государства, которое может, исходя из публичных интересов, к ним прислушиваться, но может и игнорировать.

Другим проявлением этого же подхода можно считать выделение сегодня концептуальных основ или пределов уголовного права. Например, Е. В. Кобзева, обосновывая идеологические границы уголовного закона, рассматрива-

<sup>12</sup> СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8524.

<sup>13</sup> См.: Идрисов Н. Т. К вопросу о прогнозировании социально-правовых последствий новеллизации уголовно-правовых запретов (на примере примечания к ст. 238 УК РФ) // Уголовное судопроизводство. 2025. № 1. С. 24–28.

<sup>14</sup> Холмс С. Конституция и конституционализм (глава восьмая из книги «Оксфордский справочник по сравнительному конституционному праву») / пер. с англ. Д. Сичинавы // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3 (88). С. 60, 66–68.

Применительно к Германии Г. Еллинек указывал, что всякое изменение порядка престолонаследия (на которое требовалось согласие агнатов) «может быть произведено лишь тем путем, какой существует для изменения конституции» (Еллинек Г. Борьба старого права с новым : пер. с нем. М., 1908. С. 37).

<sup>15</sup> Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 57.

<sup>16</sup> См.: Орехов В. В. Социология в науке уголовного права : учеб. пособие. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 12.

<sup>17</sup> См.: Рарог А. И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lex russica. 2016. № 11. С. 49.

ет компоненты уголовно-правовой идеологии как концептуальные<sup>18</sup>. По мнению А. Б. Баумштейна, концептуальные начала играют ограничительно-направляющую роль, фактически закреплены в нормах уголовного закона явным образом либо могут быть выведены из него судебной практикой или общепризнанным мнением науки уголовного права<sup>19</sup>. Связывает концептуальные основы уголовного права с ограничением сферы уголовно-правового принуждения и Т. Г. Понятовская, указывая на обязанность законодателя «включить в Уголовный кодекс такие понятия и институты, которые гарантируют необходимую и достаточную защищенность граждан от репрессивного произвола самого государства»<sup>20</sup>. При этом частью таких основ является концепт — основополагающая, изначальная идея, не требующая доказательства ее исторической достоверности<sup>21</sup>. В таком понимании концептуальной может стать любая идея, которая выступает как аксиома. Оценка же ее как прогрессивной и положительной носит субъективный характер, что позволяет придать такое значение любым воззрениям.

Основное действие моральных, религиозных, идеологических, концептуальных и т.п. факторов реализуется через общественное признание, что обуславливает эффективность уголовного закона, но само по себе лишено той юридической силы, которая могла бы служить его надежным ограничителем. Даже общепризнанное доктринальное мнение необязательно сдерживает нормотворчество, которое — в отсутствие рамок — способно превратиться в произвол, подменяющий уголовно-правовое принуждение репрессиями.

Обычно юридическая сила определенного положения начинается с придания ему соответ-

ствующей формы. Неслучайно С. В. Анощенкова предлагает сначала установить концептуальные основы, имеющие непреходящее значение для общества в целом, затем осуществить их отражение и конкретизацию в нормах права (например, в задачах и принципах, закрепляемых в ст. 2–7 УК РФ)<sup>22</sup>. Но считается, что ни слова, ни принципы, лежащие в их основе, не накладывают существенных ограничений на уголовно-правовые полномочия государства<sup>23</sup>. Формализуемые только в уголовном законе отраслевые задачи и принципы перестают быть внешними пределами власти законодателя, становясь его самоограничением, неэффективность которого показана выше.

Например, в Германии базовые концепции уголовного права сформировались в доконституционную эпоху, когда поиски легитимности этой отрасли велись посредством критики — при помощи теории и философии — уголовной политики<sup>24</sup>. Таким образом, задействие концептуальных начал, во-первых, возможно и при отсутствии конституционного правопорядка, а во-вторых, носит скорее философский характер, где результат зависит не от объективных данных, а от парадигмы исследователя. Поэтому концептуальные положения могут ограничивать произвол законодателя только в случае его согласия с доктриной.

Соответственно, если признавать необходимость пределов, ограничений уголовного права, то они не могут быть установлены на уровне самого уголовного закона, равно как и нельзя считать действительными ограничителями концептуальные, социально-психологические и иные внеюридические основы, которые хотя и существуют, но проявляют свое действие лишь по доброй воле законодателя.

<sup>18</sup> См.: Кобзева Е. В. Идеологические и правовые границы российского уголовного закона: о необходимости их выделения и соблюдения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5. С. 76.

<sup>19</sup> См.: Баумштейн А. Б. Концептуальные начала уголовного права России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2017. С. 8.

<sup>20</sup> Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1996. С. 221.

<sup>21</sup> См.: Понятовская Т. Г. Указ. соч. С. 112.

<sup>22</sup> См.: Анощенкова С. В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) // Lex russica. 2016. № 8. С. 35, 44.

<sup>23</sup> См.: Tonry M. Equality and Human Dignity: The Missing Ingredients in American Sentencing // Crime and Justice. 2016. Vol. 45. P. 460.

<sup>24</sup> Wilfert M. V. Strafe und Strafgesetzgebung im demokratischen Verfassungsstaat: der Einfluss des grundgesetzlichen Demokratieprinzips auf Strafrecht und Strafgesetzgebung am Beispiel ausgewählter Staatschutzdelikte. Tübingen : Mohr Siebeck, 2017. S. 1, 15.

**Основы конституционализации уголовного права**

На пути поиска механизма, который легитимировал бы и одновременно ограничивал уголовное право, придавал юридическую силу социально-психологическим факторам, но носил внешний по отношению к уголовному закону характер, современные исследователи так или иначе задействуют конституционные положения.

Ранее Г. А. Злобин относил к системно-правовым принципам криминализации принцип конституционной адекватности (то есть «адекватность этой [уголовно-правовой] новеллы нормам и институтам Конституции СССР»<sup>25</sup>). Сегодня, по оценке А. В. Елинского, «основной задачей исследователя... является установление и обоснование таких требований к содержанию и форме уголовного закона, которые бы соотносились с буквой и духом Конституции в системном ее понимании...»<sup>26</sup>.

Как показывает О. Н. Бибики, реализуемая Конституцией функция заключается (хотя и не исчерпывается) в установлении концептуальных основ уголовно-правового регулирования<sup>27</sup>. Т. Г. Понятовская признает, что «власть государства над его гражданами реально может быть ограничена только правом, такими отношениями между гражданами и государством, которые имеют под собой юридическое основание, вытекают из юридического факта — Конституции, обязывающей юридическим образом государство ограничивать репрессивную власть над гражданами и гарантировать им свободу от репрессивных злоупотреблений»<sup>28</sup>. Е. В. Кобзева указывает, что в нормах Конституции РФ представлены основные компоненты правовой идеологии нашего государства, которая развивается посредством идеологием отраслей права, включая уголовное<sup>29</sup>. Перечень подобных утверждений можно наращивать, однако представляется, что в условиях правового государства и

верховенства права концептуальные начала и границы уголовного принуждения могут иметь изначально лишь конституционную природу, хотя и реализуясь затем в уголовном законе. Это позволяет выделять как особую категорию конституционные основы уголовного права.

Хотя системы национального законодательства существенно различаются по применяемым уголовно-правовым мерам, однако именно в этой сфере большинство современных конституций обнаруживают значительное сходство, закрепляя наиболее сильные гарантии прав граждан. Признание в разных частях света идей правового государства и верховенства права предопределяет вектор дальнейшего развития, который можно обозначить как конституционализацию, определение конституционных пределов принуждения.

Поиск исходной посылки любой отрасли права в Конституции РФ С. В. Бирюков считает проявлением юридического позитивизма. В рамках такого правопонимания судебные решения должны соответствовать нормам, новые нормы — ранее принятым нормам более высокой юридической силы, нормы в целом — принципам права и правовой догматике, в которых заключен выявленный «социальный код права»<sup>30</sup>. Вместе с тем благодаря Конституции именно естественные права человека рассматриваются как основа построения всего уголовного законодательства<sup>31</sup>. Поэтому конституционализация уголовного права не ограничивается позитивизмом или юснатурализмом, а скорее носит комплексный характер.

Применение уголовно-правовой нормы демократического правопорядка, по Г. Кельзену, предполагает следующую формулу: «Если конституционно избранный парламент в рамках установленного конституцией процесса принял закон, согласно которому определенное поведение должно наказываться как преступление,

<sup>25</sup> Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация). М. : Наука, 1982. С. 230 (автор параграфа — Г. А. Злобин).

<sup>26</sup> Елинский А. В. Проблемы уголовного права в конституционном измерении : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 45.

<sup>27</sup> См.: Бибики О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 46.

<sup>28</sup> Понятовская Т. Г. Указ. соч. С. 170.

<sup>29</sup> См.: Кобзева Е. В. Указ. соч. С. 75–76.

<sup>30</sup> См.: Бирюков С. В. Социальная обусловленность права: основные подходы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 2 (51). С. 20.

<sup>31</sup> См.: Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб. : СПбГУ, 1999. С. 174–175.

если суд установил, что определенный человек осуществил такое поведение, то суд должен наложить предусмотренное законом наказание»<sup>32</sup>. В таком понимании Конституция регулирует в основном создание закона, а введение конституционной юстиции необходимо, чтобы обеспечить обязательства законодательной власти по отношению к основным правам<sup>33</sup>. Важно, что «правам, закрепленным... в Конституции РФ, соответствуют не уголовно-правовые или гражданско-правовые, а именно конституционно-правовые обязанности»<sup>34</sup>.

Конституционные положения, сдерживая законодателя и правоприменителя, не образуют уголовно-правовую норму. Они, являясь внешними регуляторами для уголовного права, определяют его основания и легитимацию, взаимодействие с правами человека, пределы законодательной и правоприменительной дискреции, взаимосвязи с другими отраслями права. Хотя подобные вопросы и ранее поднимались в уголовно-правовых исследованиях, однако в условиях правового государства они могут быть разрешены только на надотраслевом или межотраслевом уровне, надежный фундамент для чего создает как раз Конституция РФ. В этой части она регулирует отношения не собственно уголовно-правовые, а межотраслевые. Таким образом, конституционные основы уголовного права не совпадают по характеру правового регулирования с отраслевыми.

Конституционализм является прежде всего способом ограничения публичной власти, а конституционное правопонимание минимально включает реальность текста Конституции РФ

и человека, наделенного неотчуждаемыми правами, свободами и обязанностями<sup>35</sup>. Образуя основы конституционного строя, защищенные от изменений<sup>36</sup> на весь период действия Конституции РФ, они служат ограничению усмотрения государственной власти.

Прежде всего, основные права показывают, какие действия государства недопустимы, и призваны ограничивать публичную власть<sup>37</sup>. Даже в США, где органы власти как федерального уровня, так и уровня штатов наделены широкими полномочиями по криминализации разнообразных деяний, эти полномочия не могут использоваться, когда их применение ведет к нарушению конституционных свобод личности<sup>38</sup>. Таким образом, конституционные права человека лимитируют законодательное усмотрение.

Общая конституционная формула предполагает, что «правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не может... влечь для него неблагоприятные правовые последствия, в частности в форме уголовной ответственности»<sup>39</sup>.

Конечно, не только индивидуальные, но и коллективные конституционные права (например, права избирательных объединений, которыми наделены политические партии, являющиеся основным коллективным субъектом избирательного процесса<sup>40</sup>) могут ограничивать дискрецию законодателя.

Но предел субъективных прав может обнаруживаться в сфере взаимодействия конституционных прав двух (или более) субъектов. Например, с учетом позиции Конституционного

<sup>32</sup> Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. С. 296–297.

<sup>33</sup> См.: Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции: конституционная юстиция. Часть 1 // Право и политика. 2006. № 8. С. 6.

<sup>34</sup> Кропачев Н. М. Указ. соч. С. 165.

<sup>35</sup> См.: Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2016. С. 12.

<sup>36</sup> Как писал Г. Кельзен, «проблема конституционности законов не имеет смысла там, где не существует особой конституционной формы, то есть юридических норм, различающих создание законов и пересмотр конституции» (Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции: Конституционная юстиция. Часть 1. С. 7). Действительно, если конституционные положения могут быть изменены в обычном (не усложненном) порядке, то они ничем не отличаются от самоограничений законодателя.

<sup>37</sup> См.: Троицкая А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2 (51). С. 51.

<sup>38</sup> См.: Бернам У. Правовая система США / пер. с англ. М. : Новая юстиция, 2006. С. 858.

<sup>39</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 54.

<sup>40</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2025 № 12-П // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1364.

Суда РФ<sup>41</sup>, одним из пределов свободы сбора информации является право другого человека на тайну частной жизни, нарушение которой может повлечь уголовную ответственность. Таким же образом появляется предел многих конституционных прав личности.

Большинство конституций закрепляет конституционные права человека по отношению к государству, а не по отношению к другим лицам<sup>42</sup>. Однако совершаемое индивидом преступление обычно нарушает права и интересы потерпевших. В данном вопросе можно обратиться к конституционному пониманию уголовного права в Германии. В частности, признается, что государство имеет обязательства перед преступником (здесь ключевой вопрос — разрешено ли определенное правило или санкция за его нарушение) и обязательства перед потерпевшей стороной (необходимы ли такие правило и санкция)<sup>43</sup>. Уголовный законодатель, несмотря на свою широкую дискрецию, действует в рамках «конституционно установленного коридора» (нем.: *des verfassungsrechtlich vorgegebenen Korridors*)<sup>44</sup>, в частности между обязательствами по наказанию (вытекающими из общей ответственности государства за безопасность) и пределами наказания<sup>45</sup>. В своих крайних вариантах границами такого «коридора» служат свобода и безопасность<sup>46</sup>. Абсолютизация одной из этих конституционных ценностей с очевидностью означает отказ от другой, поэтому уголовно-политическое решение не может ориентироваться только на одну из них. Однако степень ограничения свободы в интересах безопасности определяется прежде всего усмотрением законодателя, хотя и может быть проверена с точки зрения соразмерности (пропорциональности).

Например, ранее статья 116.1 УК РФ была признана не соответствующей Конституции РФ ввиду недостаточной защиты прав на личную неприкосновенность и на охрану достоинства

личности от насилия<sup>47</sup>. А положения ст. 78 УК РФ (во взаимосвязи со ст. 27 УПК РФ) оценены как неконституционные в связи с тем, что ими не исключена чрезмерность сроков уголовного преследования<sup>48</sup>. Приведенные примеры хорошо иллюстрируют случаи нарушения прав, соответственно, несоразмерно мягким и несоразмерно строгим уголовным законом.

В силу ч. 1 и 2 ст. 15 Конституции РФ граждане обязаны соблюдать Конституцию и законы, которые сами не должны противоречить Конституции, но которые презюмируются как конституционные. Каждый человек вправе поставить перед Конституционным Судом РФ вопрос о конституционности нормы уголовного права, примененной в его деле (в деле с его участием). До разрешения этого вопроса действует презумпция конституционности уголовного закона. Поэтому человек, находящийся под юрисдикцией государства, обязан соблюдать уголовный закон, презумпция конституционности которого не опровергнута в установленном порядке, а иначе он может быть подвергнут уголовной ответственности. Одновременно это означает, что и потерпевший не наделен правом решать вопрос об уголовной ответственности виновного лица, но вправе оспаривать конституционность норм, на основании которых решаются подобные вопросы.

Так, обращаясь к правовому регулированию ограничения свободы, Конституционный Суд РФ указал на конституционный статус потерпевшего и конституционно-правовые характеристики мер наказания, которые влияют на установление и реализацию запрета посещать места, в которых может регулярно находиться потерпевший. Помимо интересов потерпевшего, этот запрет служит и интересам осужденного, поскольку расширяет возможности применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества<sup>49</sup>.

<sup>41</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 № 2-П // СЗ РФ. 2024. № 5. Ст. 763.

<sup>42</sup> См.: Barak A. *Proportionality: Constitutional Rights and their Limitations*. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2012. P. 253.

<sup>43</sup> См.: Lagodny O. *Op. cit.* S. 12.

<sup>44</sup> Brodowski D. *Op. cit.* S. 46.

<sup>45</sup> См.: Brodowski D. *Op. cit.* S. 409.

<sup>46</sup> Указывается, что особая напряженность существует между основными правами человека и государственной безопасностью (Wilfert M. V. *Op. cit.* S. 6).

<sup>47</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П // СЗ РФ. 2021. № 16 (ч. III). Ст. 2874.

<sup>48</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П // СЗ РФ. 2022. № 31. Ст. 5806.

<sup>49</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2024 № 4-П // СЗ РФ. 2024. № 7. Ст. 1032.

Соответственно, уголовное право затрагивает конституционные права как лиц — субъектов уголовной ответственности, так и потерпевших, чьи интересы им охраняются или чьи интересы могут быть поставлены под угрозу совершением преступления. Поэтому определенное уголовно-политическое решение может входить в противоречие с этими правами ввиду недостаточности или, напротив, избыточности государственного принуждения.

По оценке О. С. Гузеевой, «цель конституционализации уголовного права состоит в достижении оптимального баланса ценностей свободы и безопасности в процессе противодействия преступности»<sup>50</sup>. Однако такое балансирование (как метод конституционного правопонимания и правоприменения) осуществляется в конституционных рамках, ограничивающих законодательную и судебную дискрецию. Нельзя считать балансом умаление основных прав человека (которые в силу ч. 2 ст. 17 и ст. 18 Конституции РФ являются неотчуждаемыми и определяют смысл деятельности всех органов публичной власти).

В конституционной теории предложено воспринимать конституционализацию как процесс «надлежащего качественного объективирования и оформления национальной правовой материи во всех конституционно признанных и допустимых для нее первичных... и вторичных... формах»<sup>51</sup>. С учетом перманентности этого процесса формальной целью конституционализации уголовного права можно признать поддержание такого состояния уголовного закона, при котором он не входит в противоречие с требованиями Конституции РФ (возможное вследствие действия в системе правового регулирования или придания ему нового смысла в правоприменительной практике). Это достигается путем своевременных нормотворческих изменений и дополнений и путем недопущения неконституционных вариантов толкования норм уголовного права.

Результатом конституционализации О. С. Гузеева считает «состояние уголовного закона,

при котором он соответствует Конституции РФ, подчиняется ее целям и согласуется с ее предписаниями, не нарушает конституционных прав граждан и не умаляет конституционных принципов»<sup>52</sup>. Однако такой результат нельзя считать достигнутым раз и навсегда. Например, конституционность положений ст. 158 УК РФ проверялась, хотя и в разных аспектах, трижды менее чем за четыре месяца<sup>53</sup>. То есть предшествующий результат в виде вывода о соответствии нормы уголовного закона Конституции РФ, во-первых, не влияет на оценку этой же нормы в другом аспекте, и во-вторых, может измениться вследствие трансформации законодательства иной отраслевой принадлежности, вследствие изменений других уголовно-правовых норм либо, напротив, вследствие вхождения неизменного правового регулирования в противоречие с развитием общественных отношений, в которых реализуются конституционные права. Так, потребовалась проверка конституционности ч. 1 ст. 137 УК РФ ввиду распространения программного средства (мобильного приложения) родительского контроля, делающего доступными сведения о частной жизни других лиц<sup>54</sup>. Поэтому обозначенный О. С. Гузеевой результат никогда не является окончательным, скорее это цель, к которой следует стремиться.

Важно ориентироваться на сущностную цель конституционализации — лимитировать и легитимировать уголовное право, чтобы оно поддерживало конституционные права (индивидуальные и коллективные) и обеспечивало отношения человек — общество — государство исходя из конституционного правопонимания. Это достигается за счет определения конституционных пределов (границ) уголовного закона, внутри которых законодатель свободен в выборе оптимальных средств противодействия преступлениям, а его решения, не выходящие за такие рамки, являются конституционными (конституционно допустимыми).

Невозможность достижения цели конституционализации исключает любые уголовно-по-

<sup>50</sup> Гузеева О. С. Проблемы теории конституционализации уголовного права : монография. М. : Проспект, 2021. С. 10.

<sup>51</sup> Крусс В. И. Указ. соч. С. 74.

<sup>52</sup> Гузеева О. С. Указ. соч. С. 63.

<sup>53</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2022 № 53-П // СЗ РФ. 2022. № 51. Ст. 9343 ; постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П // СЗ РФ. 2023. № 4. Ст. 697 ; постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2023 № 13-П // СЗ РФ. 2023. № 15. Ст. 2747.

<sup>54</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 № 2-П // СЗ РФ. 2024. № 5. Ст. 763.

литические решения (выходящие за конституционные границы), тогда как неоптимальность или неэффективность уголовной политики сама по себе еще не свидетельствует о неконституционности. Конституционные положения позволяют ответить на вопрос, каким не может быть уголовное право, оставляя открытыми вопросы, каким оно должно быть и какой из конституционно допустимых (возможных) вариантов оптимальный.

Например, признавая неконституционным п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ, Конституционный Суд РФ указал как ориентировочные два варианта устранения дефекта — исключить двойную дифференциацию уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств или изменить ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия<sup>55</sup>. Законодатель же выбрал третий вариант, включив такое оставление в качестве квалифицирующего признака преступления в ст. 264 УК РФ<sup>56</sup>. В конституционных рамках все три варианта допустимы, как и возможные четвертый, пятый и т.д., поиск которых является задачей уголовно-правовой науки, а выбор между ними — политической задачей законодателя.

Таким образом, процесс конституционализации отличается от уголовной политики, а конституционная цель не совпадает с уголовно-политической. Конституционная предполагает обеспечение действия уголовного закона внутри строгих конституционных пределов и исключение всех вариантов выхода за них, тогда как уголовно-политическая цель реализуется в этих пределах и заключается именно в оптимальном и эффективном регулировании уго-

ловно-правовых вопросов с учетом социально-психологических, социально-экономических, культурно-исторических, криминогенных и т.п. факторов. В самих же конституционных пределах уголовный закон и применяемые в связи с этим модели могут быть различными. Поэтому конституционные положения создают для уголовного законодателя поле<sup>57</sup> возможностей.

### **Понятие и виды конституционных основ уголовного права**

Ранее С. А. Антипов определил «конституционные основы Общей части уголовного права» как «установленные путем законодательного или правоприменительного опосредования конституционные требования, рассматриваемые в значении, обязательном для норм и институтов Общей части и реализуемые в целях обеспечения соответствия уголовного законодательства Конституции РФ»<sup>58</sup>. Во-первых, это определение относится только к положениям Общей части, которые преимущественно подлежат применению лишь во взаимосвязи со статьями Особенной части. Во-вторых, как напомнил Конституционный Суд РФ, «обязательность соответствующих запретов обеспечивается, как правило, закреплением санкций за их несоблюдение»<sup>59</sup>. И действительно, если нормы конституции, регулирующие законодательный процесс, не устанавливают санкций за их несоблюдение, то эти нормы уполномочивают законодательный орган, но не предписывают создание подконституционных норм<sup>60</sup>. Напротив, нормы, созданные при несоблюдении положений конституции, недействительны или могут быть объявлены недействительными<sup>61</sup>. Поэтому определение С. А. Антипова необхо-

<sup>55</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П // СЗ РФ. 2018. № 19. Ст. 2812.

<sup>56</sup> Федеральный закон от 23.04.2019 № 65-ФЗ «О внесении изменений в статьи 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 17. Ст. 2028.

<sup>57</sup> Термин «поле усмотрения» предложен А. И. Ковлером вместо «свободы усмотрения» или «пределов усмотрения» в свете международных обязательств по защите прав человека. При этом величина «поля усмотрения» не безгранична: так, «усмотрение» практически невозможно применить к абсолютным правам (право на жизнь и вытекающая из него недопустимость смертной казни, запрет пыток, наказание исключительно на основании закона, право не быть судимым или наказанным дважды). См.: Ковлер А. «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека // Международное правосудие. 2013. № 3. С. 54.

<sup>58</sup> Антипов С. А. Конституционные основы Общей части уголовного права : монография / отв. ред. А. И. Чучаев. М. : Проспект, 2012. С. 19.

<sup>59</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П // СЗ РФ. 2018. № 19. Ст. 2812.

<sup>60</sup> См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. С. 69.

<sup>61</sup> См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. С. 69.

димо распространить на весь уголовный закон и практику его применения, а также дополнить санкцией. В оценке Г. Кельзена, основную и самую эффективную гарантию конституции представляет собой отмена неконституционного акта<sup>62</sup>. Следствием прямого действия конституционных норм является исключение: 1) принятия неконституционного уголовного закона, 2) неконституционного правоприменения и 3) неконституционного правопонимания.

Представляется, что конституционные основы уголовного права в максимальном обобщении включают два вида конституционных норм, обращенных к законодателю и судам общей юрисдикции. Первые предполагают, что если принимается или изменяется уголовный, т.е. определяющий вопросы преступности и наказуемости деяний или иным образом регулирующий уголовно-правовые отношения, закон (гипотеза), то возникающая в системе правового регулирования уголовно-правовая норма должна соответствовать требованиям Конституции РФ (диспозиция), а иначе она признается недействительной (подлежит отмене) вследствие неконституционности (санкция). Вторая разновидность конституционных положений, адресованных судам как органам государственной власти, предписывает в общей форме, что если суд рассматривает уголовное дело (гипотеза), то он не вправе применять неконституционную уголовно-правовую норму или придавать ей неконституционный смысл (диспозиция), а иначе принятое этим судом решение подлежит отмене (санкция).

Соответственно, конституционные основы уголовного права преимущественно ограничивают (лимитируют) криминализацию и пенализацию деяний, имея своими адресатами законодательную и судебную власть.

Вместе с тем не может быть поставлена под сомнение сама возможность введения уголов-

но-правовых запретов и санкций, поскольку ч. 2 ст. 54 Конституции РФ прямо их допускает, лишь ограничивая время их действия. Конституционным Судом РФ из конституционных положений выведены и право законодателя предусмотреть в качестве мер наказания лишение свободы<sup>63</sup> или пожизненное лишение свободы<sup>64</sup>, и исключительные полномочия суда по окончательной уголовно-правовой квалификации деяния и назначению наказания за него<sup>65</sup>.

Конституционный Суд РФ подчеркнул, что «именно Конституция Российской Федерации как Основной Закон выступает высшей универсальной формой легитимации Российской Федерации»<sup>66</sup>. Этот аспект ранее раскрыт В. Д. Зорькиным: «Конституция не позволяет власти выйти за пределы права. Речь идет... о конституционно-правовой легитимации, о легитимации с точки зрения права»<sup>67</sup>. Представляется, что имеет место и конституционная легитимация уголовного закона.

Поэтому, кроме ограничивающих (лимитирующих) предписаний, Конституция РФ содержит и положения легитимирующего характера, которые свидетельствуют о юридической действительности определенных уголовно-правовых норм и институтов. Если при этом не нарушены конституционно предписанные границы нормотворческого усмотрения, то нет и оснований для признания неконституционности уголовного закона.

Например, непосредственно из Конституции РФ не вытекает обязанность законодателя предусмотреть возможность замены пожизненного лишения свободы более мягким видом наказания, в связи с чем он — в ст. 80 УК РФ — не вышел за пределы своих полномочий<sup>68</sup>, то есть остался внутри конституционного поля возможностей.

Общая конституционная допустимость (конституционная легитимность) уголовного

<sup>62</sup> См.: Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции: Конституционная юстиция. Часть 2. С. 5.

<sup>63</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 15.03.2023 № 8-П // СЗ РФ. 2023. № 13. Ст. 2361.

<sup>64</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 № 24-П // СЗ РФ. 2016. № 48 (ч. III). Ст. 6839.

<sup>65</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П // СЗ РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

<sup>66</sup> Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

<sup>67</sup> Зорькин В. Д. Конституция 1993 года — правовая легитимация новой России // Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Норма, 2011. С. 12.

<sup>68</sup> Например, см.: определения Конституционного Суда РФ от 25.11.2010 № 1525-О-О; от 27.03.2025 № 627-О.

наказания имеет ограничения: специальные (в частности, вытекающая из ст. 6, 21 и 61 Конституции РФ недопустимость лишения гражданства или высылки из страны, а также любых наказаний, унижающих человеческое достоинство) и общие (например, из ст. 19 и 55 Конституции РФ следует недопустимость установления наказаний без конституционной цели или их дискриминирующая дифференциация). Соответственно, лимитирующие (ограничивающие) положения имеют приоритет перед легитимирующими.

Так, право каждого осужденного просить о помиловании или смягчении наказания (ч. 3 ст. 50 Конституции РФ) исключает назначение пожизненного лишения свободы без цели исправления и без самой возможности освобождения от его отбывания<sup>69</sup>, то есть образует конституционный предел для такого наказания.

В части 2 ст. 20 Конституции РФ предусмотрены по отношению к смертной казни как ограничение (только за особо тяжкие преступления против жизни и только при предоставлении права на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей), так и временная легитимация (впредь до ее отмены). С признанием отмены такого наказания анализируемое конституционное положение носит только лимитирующий характер (исключая восстановление смертной казни без принятия новой Конституции).

По оценке Б. С. Эбзеева, конституционно закреплены два вида обязанностей государства перед индивидом: воздерживаться от вмешательства в некоторые сферы индивидуальной автономии и личной жизни гражданина и гарантировать их от такого вмешательства других лиц<sup>70</sup>. Этому пониманию соответствует классификация обязательств (обязанностей) государства на негативные (невмешательство в осуществление права) и позитивные (принятие мер, способствующих реализации права)<sup>71</sup>. Из позитивных только «обязательства по защите

прав человека от нарушений, совершаемых частными лицами»<sup>72</sup> могут проявляться в уголовно-правовой сфере, поскольку другой вариант (принятие мер помощи, поддержки) здесь, по сути, невозможен и более характерен для других отраслей права.

Например, Конституционный Суд РФ указал, что законодатель обязан обеспечивать эффективную защиту психического здоровья, в том числе устанавливая наказания за посягательства на личность<sup>73</sup>. Впрочем, обязательство государства установить именно уголовную ответственность возникает лишь в случае, «если достижение конституционных целей не может быть обеспечено должным образом только с помощью норм регулятивного характера»<sup>74</sup>, то есть при их недостаточности.

Кроме того, следует согласиться, что позитивное обязательство по защите прав человека от нарушений может быть представлено как негативное — «не допускать нарушений третьими лицами»<sup>75</sup>. Из конституционных положений не может быть напрямую выведен ни уголовно-правовой запрет, ни конкретная санкция за его нарушение — все эти вопросы (как и сам выбор, какое отраслевое средство защиты будет использовано) остаются в «поле усмотрения» законодателя. Поэтому большая часть конституционных основ уголовного права представляет собой негативные обязательства (обязанности) государственной власти.

Законодатель — в зависимости от социальной значимости деяний — обязан запрещать их (активная или позитивная обязанность) или, напротив, отказаться от введения за них уголовной ответственности (пассивная или негативная обязанность).

Негативное требование — не допускать неопределенного уголовно-правового регулирования — может быть обеспечено по-разному. Так, Конституционный Суд РФ отнес к усмотрению законодателя выбор конструкции состава преступления и признаков, используемых для

<sup>69</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 № 24-П // СЗ РФ. 2016. № 48 (ч. III). Ст. 6839.

<sup>70</sup> Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007. С. 101.

<sup>71</sup> См.: Бородина Е. А. Позитивные и негативные обязательства по защите прав человека: вопросы классификации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 6 (163). С. 192.

<sup>72</sup> Бородина Е. А. Указ. соч. С. 193.

<sup>73</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2024 № 1-П // СЗ РФ. 2024. № 4. Ст. 591.

<sup>74</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 19.02.2025 № 8-П // СЗ РФ. 2025. № 9. Ст. 1015.

<sup>75</sup> Бородина Е. А. Указ. соч. С. 196.

дифференциации ответственности<sup>76</sup>, а также исключил применяемую при этом юридическую технику из предмета конституционной оценки<sup>77</sup>. Позитивные решения такого рода применяются внутри конституционных пределов. Так же как и с границами, не допускающими несоразмерности, здесь недопустимы и полная неопределенность, и полная конкретизация, превращающая норму из правила поведения в индивидуальный акт.

Дополнительно Конституционный Суд РФ указывает на наличие конституционно оправданной целесообразности при конструировании новых составов преступлений<sup>78</sup>, которая действует внутри конституционных пределов. Использование различных уголовно-правовых моделей может выразиться, например, в выделении специальных норм, дифференциации ответственности на основании учета отягчающих обстоятельств в Общей части или при помощи квалифицирующих признаков в статье Особенной части и т.п. законодательных решениях. То есть если само уголовно-политическое решение по своей сути — обязанность законодателя, то детали такого решения, применяемые средства как раз и составляют содержание законодательного усмотрения, которое позитивно определяется уже на отраслевом уровне.

Таким образом, конституционные основы уголовного права предполагают свое прямое действие на весь период действия Конституции РФ и преимущественно выражаются в негативных формулах (в самом общем виде — не выходить за конституционные пределы, не нарушать конституционные права), допуская различные позитивные варианты дискреционных решений субъектов уголовной политики.

## Заключение

В условиях правового государства необходимы особые гарантии прав личности и особые ограничения уголовно-правового принуждения. Такие ограничения не могут быть эффективно установлены на уровне самого уголовного закона или в его внеправовых основах, поскольку в этих случаях их реализация зависит лишь от усмотрения самого законодателя.

Дальнейшее развитие уголовного права должно осуществляться в русле его конституционализации, которая накладывает требования на правотворчество, правоприменение и правопонимание. Конституционные положения, защищенные от изменений на весь период действия Конституции РФ, не только легитимизируют, но и — главным образом — лимитируют усмотрение государственной власти, обозначая поле или коридор возможностей. Границами такого усмотрения служат конституционные права как субъектов уголовной ответственности, так и потерпевших, защищая эти права от несоразмерного (избыточного или недостаточного) принуждения. В конституционных пределах могут применяться различные уголовно-правовые средства, оптимальность и эффективность которых определяется на отраслевом уровне.

Процесс конституционализации отличается от уголовной политики, а конституционная цель не совпадает с уголовно-политической. Формальной целью конституционализации следует считать поддержание такого состояния уголовного закона, при котором он не входит в противоречие с требованиями Конституции РФ. Сущностно конституционализация призвана лимитировать и легитимировать уголовное право, чтобы оно поддерживало конституционные права (индивидуальные и коллективные) и обеспечивало отношения человек — общество — государство исходя из конституционного правопонимания.

Конституционные основы уголовного права могут быть выражены в логической структуре нормы. Во-первых, если принимается или изменяется уголовный, т.е. определяющий вопросы преступности и наказуемости деяний или иным образом регулирующий уголовно-правовые отношения, закон, то возникающая в системе правового регулирования уголовно-правовая норма должна соответствовать требованиям Конституции РФ, а иначе она признается недействительной вследствие неконституционности. Во-вторых, если суд рассматривает уголовное дело, то он не вправе применять неконституционную уголовно-правовую норму или придавать ей неконституционный смысл, а иначе принятое этим судом ре-

<sup>76</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 19.02.2025 № 8-П // СЗ РФ. 2025. № 9. Ст. 1015.

<sup>77</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2022 № 1455-О // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>78</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П // СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7784.

шение подлежит отмене. В-третьих, положения легитимирующего характера свидетельствуют о юридической действительности определенных уголовно-правовых норм. При этом лимитирующие (ограничивающие) положения имеют

приоритет перед легитимирующими. Бóльшая часть конституционных основ уголовного права содержательно выражается в негативных обязанностях (обязательствах) государственной власти.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анощенко С. В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) // Lex russica. 2016. № 8. С. 33–47.
- Антипов С. А. Конституционные основы Общей части уголовного права : монография / отв. ред. А. И. Чучаев. М. : Проспект, 2012. 144 с.
- Баумштейн А. Б. Концептуальные начала уголовного права России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2017. 39 с.
- Бернам У. Правовая система США / пер. с англ. М. : Новая юстиция, 2006. 1216 с.
- Бибиб О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 228 с.
- Бирюков С. В. Социальная обусловленность права: основные подходы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 2 (51). С. 19–28.
- Бородина Е. А. Позитивные и негативные обязательства по защите прав человека: вопросы классификации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 6 (163). С. 190–199.
- Гузеева О. С. Проблемы теории конституционализации уголовного права : монография. М. : Проспект, 2021. 448 с.
- Елинский А. В. Проблемы уголовного права в конституционном измерении : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. 496 с.
- Еллинек Г. Борьба старого права с новым : пер. с нем. М., 1908. 52 с.
- Зорькин В. Д. Конституция 1993 года — правовая легитимация новой России // Комментарий к Конституции Российской Федерации. М. : Норма, 2011. С. 9–26.
- Идрисов Н. Т. К вопросу о прогнозировании социально-правовых последствий новеллизации уголовно-правовых запретов (на примере примечания к ст. 238 УК РФ) // Уголовное судопроизводство. 2025. № 1. С. 24–28.
- Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции: конституционная юстиция. Часть 1 // Право и политика. 2006. № 8. С. 5–14.
- Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции: конституционная юстиция. Часть 2 // Право и политика. 2006. № 9. С. 5–18.
- Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
- Кобзева Е. В. Идеологические и правовые границы российского уголовного закона: о необходимости их выделения и соблюдения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5. С. 75–79.
- Ковлер А. «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека // Международное правосудие. 2013. № 3. С. 52–63.
- Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб. : СПбГУ, 1999. 262 с.
- Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2016. 240 с.
- Орехов В. В. Социология в науке уголовного права : учеб. пособие. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 70 с.
- Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М. : Наука, 1982. 304 с.
- Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1996. 345 с.
- Рарог А. И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lex russica. 2016. № 11. С. 46–60.

- Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула : Автограф, 2001. 800 с.
- Троицкая А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2 (51). С. 45–69.
- Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. Т. 2. СПб. : Альфа, 1996. 607 с.
- Холмс С. Конституция и конституционализм (глава восьмая из книги «Оксфордский справочник по сравнительному конституционному праву») / пер. с англ. Д. Сичинавы // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3 (88). С. 56–84.
- Щепельков В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М. : Юрлитинформ, 2003. 416 с.
- Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М. : Норма, 2007. 384 с.
- Barak A. Proportionality: Constitutional Rights and their Limitations. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2012. 638 p.
- Brodowski D. Die Evolution des Strafrechts. Strafverfassungsrechtliche, europastrafrechtliche und kriminalpolitische Wirkungen auf Strafgesetzgebung. Baden-Baden : Nomos, 2023. 850 s.
- Lagodny O. Strafrecht vor den Schranken der Grundrechte. Tübingen : J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1996. 570 s.
- Odujirin A. The Rule of (Criminal) Law: «Absolute» Liability and the Canadian Charter of Rights and Freedoms // Common Law World Review. 2003. Vol. 32. No. 2. P. 161–178.
- Tonry M. Equality and Human Dignity: The Missing Ingredients in American Sentencing // Crime and Justice. 2016. Vol. 45. P. 459–496.
- Wilfert M. V. Strafe und Strafgesetzgebung im demokratischen Verfassungsstaat: der Einfluss des grundgesetzlichen Demokratieprinzips auf Straftheorie und Strafgesetzgebung am Beispiel ausgewählter Staatsschutzdelikte. Tübingen : Mohr Siebeck, 2017. 280 s.

## REFERENCES

- Anoshchenkova SV. The Mechanism of Legitimizing Moral rules (criminal law aspect). *Lex russica*. 2016;8:33-47. (In Russ.).
- Antipov SA. Chuchaev AI (ed.). Constitutional foundations of the General Part of Criminal Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2012. (In Russ.).
- Barak A. Proportionality: Constitutional Rights and their Limitations. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2012. 638 p.
- Baumstein AB. Conceptual principles of Russian criminal law. Dr. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Kursk; 2017. (In Russ.).
- Bernam W. US Legal System. Trans. from English. Moscow: Navaya Justutsija Publ.; 2006. (In Russ.).
- Bibik ON. Sources of criminal law of the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) Diss. Omsk; 2005. (In Russ.).
- Biryukov SV. Social conditionality of law: basic approaches. *Herald of Omsk University. Series Law*. 2017;2(51):19-28. (In Russ.).
- Borodina EA. Positive and Negative Obligations for Human Rights Protection: Classification Issues. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):190-199. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.190-199.
- Brodowski D. Die Evolution des Strafrechts. Strafverfassungsrechtliche, europastrafrechtliche und kriminalpolitische Wirkungen auf Strafgesetzgebung. Baden-Baden: Nomos Publ.; 2023. (In Germ.).
- Ebzeev BS. Personality and the State in Russia: Mutual Responsibility and Constitutional Duties. Moscow: Norma Publ.; 2007. (In Russ.).
- Elinsky AV. Problems of criminal law in the constitutional dimension. Moscow: Yurлитinform Publ.; 2012. (In Russ.).
- Foinitsky IYa. Course of criminal proceedings: In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Alpha Publ.; 1996. (In Russ.).
- Guzeeva OS. Problems of the theory of constitutionalization of criminal law. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).

Holmes S. Constitution and Constitutionalism (Chapter Eight of the Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law). Trans. from English by Sichinava D. *Comparative Constitutional Review*. 2012;3(88):56-84. (In Russ.).

Idrisov NT. On forecasting social and legal consequences of adoption of new criminal law prohibitions (on the example of the note to art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Criminal Judicial Proceeding*. 2025;1:24-28. (In Russ.).

Kelsen G. Judicial guarantee of the Constitution: Constitutional Justice. Part 1. *Law and Politics*. 2006;8:5-14. (In Russ.).

Kelsen G. Judicial guarantee of the Constitution: constitutional justice. Part 2. *Law and Politics*. 2006;9:5-18.

Kelsen G. Pure doctrine of law. Trans. from German by Antonov MV, Lezov SV. St. Petersburg: Alef-Press Publ.; 2015. (In Russ.).

Kobzeva EV. Ideological and legal boundaries of the Russian criminal law: on the need to distinguish and comply with them. *Bulletin of Saratov State Law Academy*. 2014;5:75-79. (In Russ.).

Kovler A. «Moral sovereignty» in the face of «state sovereignty» in the European system of human rights protection. *International Justice*. 2013;3:52-63. (In Russ.).

Kropachev NM. Criminal law regulation. Mechanism and system. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ.; 1999. (In Russ.).

Kruss VI. Constitutionalization of law: fundamentals of theory. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2016. (In Russ.).

Kudryavtsev VN, Yakovlev AM. Grounds for criminal law prohibition (criminalization and decriminalization). Moscow: Nauka Publ.; 1982. (In Russ.).

Lagodny O. Strafrecht vor den Schranken der Grundrechte. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck) Publ.; 1996. (In Germ.).

Odujirin A. The Rule of (Criminal) Law: «Absolute» Liability and the Canadian Charter of Rights and Freedoms. *Common Law World Review*. 2003;32(2):161-178.

Orekhov VV. Sociology in the science of criminal law. Leningrad: Leningrad University Publ.; 1985. (In Russ.).

Ponyatovskaya TG. Conceptual foundations of Russian criminal law: history and modernity. Dr. Sci. (Law) Diss. Kazan; 1996. (In Russ.).

Rarog AI. Criminal legal positions of the legislator and law enforcement officer. *Lex russica*. 2016;11:46-60. (In Russ.).

Shchepelkov VF. Criminal Law: Overcoming Contradictions and Incompleteness. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2003. (In Russ.).

Tagantsev NS. Russian criminal law. Vol. 1. Tula: Avtograf Publ.; 2001. (In Russ.).

Tonry M. Equality and Human Dignity: The Missing Ingredients in American Sentencing. *Crime and Justice*. 2016;45:459-496.

Troitskaya A. Limits of rights and absolute rights: beyond the principle of proportionality? Theoretical issues and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Comparative Constitutional Review*. 2015;2(51):45-69. (In Russ.).

Wilfert MV. Strafe und Strafgesetzgebung im demokratischen Verfassungsstaat: der Einfluss des grundgesetzlichen Demokratieprinzips auf Straftheorie und Strafgesetzgebung am Beispiel ausgewählter Staatsschutzdelikte. Tübingen: Mohr Siebeck Publ.; 2017. (In Germ.).

Yellinek G. The struggle of the old law with the new. Trans. from German. Moscow; 1908. (In Russ.).

Zorkin VD. Constitution of 1993 — legal legitimization of the new Russia. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. Moscow: Norma Publ.; 2011. (In Russ.).

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Арзамасцев Максим Васильевич**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета  
д. 7–9, Университетская наб., г. Санкт-Петербург 199034, Российская Федерация  
m.arzamastsev@spbu.ru

---

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Maxim V. Arzamastsev**, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation  
m.arzamastsev@spbu.ru

*Материал поступил в редакцию 24 июня 2025 г.  
Статья получена после рецензирования 26 июня 2025 г.  
Принята к печати 15 августа 2026 г.*

*Received 24.06.2025.  
Revised 26.06.2025.  
Accepted 15.08.2026.*